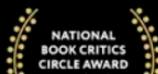

ЭМИ
СТЭНЛИ

НЕЗНАКОМКА
В ГОРОДЕ
СЕГУНА

ПУТЕШЕСТВИЕ
В ВЕЛИКИЙ ЭДО
НАКАНУНЕ
БОЛЬШИХ ПЕРЕМЕН

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

МИФ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Люди из мира Цунено	9
Комментарий к переводу	13
Пролог	15
Глава 1. Дальние земли	31
Глава 2. Полжизни в деревне	75
Глава 3. Дорога в Эдо	115
Глава 4. Вид из комнаты	155
Глава 5. Самурайская зима	189
Глава 6. Одежды большого города	221
Глава 7. Беда в доме	259
Глава 8. В конторе главы городского управления	303
Глава 9. Завершение дел и жизнь после смерти	343
Эпилог	381
Благодарности	385
Примечания	389
Список источников и литературы	425
Об авторе	445

ЛЮДИ ИЗ МИРА ЦУНЕНО

СЕМЬЯ ЦУНЕНО

При работе над этой книгой труднее всего, пожалуй, оказалось реконструировать семейные связи Цунено, поскольку среди архивных документов храма Ринсендзи не сохранилось ничего, касающегося родословной этой семьи. Имена и годы жизни близких Цунено пришлось восстанавливать по записям в книге рождений и смертей и по упоминаниям в письмах.

Цунено (1804–1853) — та самая «незнакомка в городе сёгуна», уроженка провинции Этиго (деревня Исигами).

Родители Цунено

Эмон (1768–1837) — отец Цунено и верховный служитель храма Ринсендзи.

Харума (?–1841) — мать Цунено.

Братья и сестры Цунено

Идзава Котоку (годы жизни неизвестны) — старший брат Цунено, возможно единокровный, от предыдущего брака

отца; был усыновлен семьей лекаря по фамилии Идзава из города Такады; впоследствии сам стал лекарем.

Гию (1800–1849) — старший брат Цунено; после смерти отца унаследовал должность верховного служителя храма.

Киёми (годы жизни неизвестны) — сестра Цунено, вероятно младшая; вышла замуж за священнослужителя из соседней деревни.

Гирю (1807–1876) — младший брат Цунено.

Гирин (годы жизни неизвестны) — младший брат Цунено; изнасиловал первую жену Гию и на какое-то время был изгнан из семьи.

Гисэн (?–1848) — самый младший брат Цунено; уехал учиться в Эдо.

Умэка (1815–?) — младшая сестра Цунено; умерла в младенчестве.

Тосино (1817–1844) — младшая сестра Цунено.

Ино (?–1840) — младшая сестра Цунено.

СЕМЬЯ ГИЮ

Первая жена (имя и годы жизни неизвестны) — состояла в браке с Гию с 1828 по 1829 год, но ее имя не числилось в храмовых записях Ринсендзи.

Сано (1804–1859) — вторая жена Гию и невестка Цунено, мать Кихаку и еще четверых детей.

Кихаку (1832–1887) — сын Гию и Сано; после смерти отца унаследовал должность верховного служителя храма.

Отакэ (1840–?) — дочь Гию и Сано; Цунено хотела взять ее на воспитание.

МУЖЬЯ ЦУНЕНО

Первый муж (имя и годы жизни неизвестны) — состоял в браке с Цунено в 1817–1831 годах; был верховным служителем храма Дзёгандзи; родом из провинции Дэва (поселение Оисида).

Койдэ Ясэмон (годы жизни неизвестны) — второй муж, состоял в браке с Цунено в 1833–1837 годах; зажиточный крестьянин из провинции Этиго (деревня Осима).

Като Юэмон (годы жизни неизвестны) — третий муж, состоял в браке с Цунено с 1837 по 1838 год; горожанин из провинции Этиго (город Такада).

Идзава Хиросукэ, впоследствии *Хэйдзо* (годы жизни неизвестны), — четвертый муж, с которым Цунено жила в Эдо; состоял с ней в браке дважды: с 1840 по 1844 год и с 1846 по 1853 год; уроженец провинции Этиго (деревня Камода); находился в услужении у самураев.

ПРОЧИЕ РОДСТВЕННИКИ, ЗНАКОМЫЕ И ДРУГИЕ ЛИЦА

Провинция Этиго

Исогай Дэмпати (годы жизни неизвестны) — секретарь и прихожанин храма Ринсендзи.

Ямадзаки Кюхатино (годы жизни неизвестны) — дядя Цунено из деревни Иимуро.

Тикан (годы жизни неизвестны) — спутник Цунено по дороге в Эдо, младший буддийский священник из храма Дзиндзи в деревне Коясу, что около города Такады.

Город Эдо

Сохати (годы жизни неизвестны) — торговец рисом и родственник Тикана, родом из провинции Этиго.

Исогай Ясугоро (годы жизни неизвестны) — друг и земляк Цунено, прихожанин храма Ринсендзи; зимой уезжал на заработки в город.

Дзинсукэ (годы жизни неизвестны) — смотритель доходного дома, в котором Цунено снимала комнату; ее займодатель, когда она жила в квартале Минагава-тё.

Мицу и *Бунсити* (годы жизни неизвестны) — тетя и дядя Цунено, прихожане храма Цукидзи; жили в квартале Дзиккэнтё.

Мацудайра Томосабуро, впоследствии известный как *Мацудайра Нобуёси* (ок. 1821–1866), — первый наниматель Цунено, знаменосец; позже — правитель области Камэяма.

Ивай Хансиро V (1776–1847) — знаменитый актер кабуки, владелец доходного дома в Сумиёси-тё, в котором Цунено работала в 1840 году.

Идзава Хандзаэмон, он же *Такэда Якара* и *Такэда Горо* (годы жизни неизвестны), — младший брат Хиросукэ (четвертого мужа Цунено), человек с сомнительной репутацией и дурными связями.

Ядо Гисукэ (годы жизни неизвестны) — иглоукалыватель, уроженец провинции Дэва, знакомый Цунено.

Фудзивара Юдзо (годы жизни неизвестны) — старый друг Хиросукэ, слуга из дома в Хонго.

КОММЕНТАРИЙ К ПЕРЕВОДУ

Читатель, ориентирующийся в истории и культуре Японии, обязательно обратит внимание, что мною переведены *все* японские термины и обозначения реалий — даже те, которые обычно не принято переводить. Например, что касается единиц измерения веса и денежных единиц, то слово *коку* я даю как «тюк»*, *рё* — как «золотой слиток», *бу* — как «золотая монета», *сю* — как «мелкая золотая монета», *мон* — как «медная монета». Кроме того, японская система исчисления лет человеческой жизни приведена мною к западному стандарту. Положим, если брать в расчет традиционные представления японцев, которые при появлении на свет ребенка сразу начисляли новорожденному один год жизни, Цунено умерла в 1853 году

---

* *Кóку* — японская мера объема, равная приблизительно 180,39 л. Один коку риса был эквивалентен среднему количеству зерна, необходимому, чтобы прокормить человека в течение года, то есть примерно 150–160 кг; эти килограммы риса хранились в традиционных корзинах, плетенных из рисовой соломы, каждая весом 60 кг. В Японии исторически коку риса приравнивался к денежной единице, количеством коку риса определялось многое, почти все: стоимость товаров, услуг, недвижимости, скота, размер государственного жалования и налогов, общее благосостояние семьи, города, страны. *Здесь и далее, если не указано иное, примечания редактора.*

в пятидесятилетнем возрасте, однако я пишу, что она умерла в сорок девять лет. Все даты указаны мною по григорианскому календарю — это выглядит не всегда корректно, так как традиционное японское летоисчисление совсем иное, нежели западная система, и границы годов двух календарей чаще всего не совпадают, но я так поступаю ради удобства восприятия. Например, двенадцатый месяц тринадцатого года Тэмпо я обозначаю как двенадцатый месяц 1842 года, хотя на самом деле в Европе и США тогда уже наступил 1843 год. Наконец, многие персонажи моей книги меняли в течение жизни свои имена или носили в одно и то же время более одного имени. Дабы не запутать читателя, я везде называю их по той версии, которая первой встретилась мне в источниках.

ПРОЛОГ

В первый день нового века, первого января 1801 года¹, американский президент Джон Адамс открывал для приема широкой публики только что достроенный и еще не обжитой Белый дом². На другом континенте, в Лондоне, церковные колокола возвестили о рождении Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, и на флагштоках был впервые поднят обновленный Юнион Джек — союзный флаг с добавленным косым красным крестом Ирландии. Наполеон уже вынашивал планы грядущих военных побед³, а парижане вовсю праздновали свой традиционный Новый год, отмечая его вопреки французскому республиканскому календарю, которым этот праздник не признавался⁴. Вот и завершился XVIII век, однако отголоски его революций все еще штормовыми волнами обрушивались на людские судьбы. Американские газеты публиковали смелые прогнозы, не только касающиеся их страны, но и охватывающие все человечество: на смену тирании придет свобода, на смену суевериям — просвещение, а республиканизм победит монархию. Новое столетие «сулит великие перемены, которые потрясут основы мироустройства», провозглашала пресса⁵.

Однако по другую сторону огромного беспокойного океана, далеко за пределами могучих гор и равнин Нового Света лежал край, где не предполагалось никакого нового столетия, а поэтому никто не собирался ни праздновать его приход, ни произносить тосты, ни заглядывать в будущее. В тех землях придерживались собственного лунного календаря, и лишь немногие посвященные знали, что наступающий год — тысяча восемьсот первый. Для большинства жителей Японских островов шел двенадцатый год Кансэй — и было это вовсе не начало эпохи, а ее середина. Пока мощная волна революций перекачивалась от одного государства Атлантического региона к другому, далекая от всех потрясений Япония, напротив, мирно плыла по волнам, пожалуй, самого спокойного времени своей великой истории. Прошло почти двести лет с тех пор, как в стране кто-то воевал. В течение этих двух веков — пока Европу раздирали кровавые религиозные конфликты; пока в Китае успела рухнуть династия Мин и отзвуки ее падения пронеслись по всему Азиатскому матерiku; пока монархи разных стран всходили на эшафоты; пока на карте мира появлялись новые государства; пока возникали и распадались великие морские империи — в Японии продолжалась эпоха мира и спокойствия. И казалось, ей не будет конца.

Первое января 1801 года в большинстве западных стран отмечалось как праздник, а в Японии то был самый обыкновенный день середины зимы — семнадцатое число одиннадцатого месяца. Элегантные горожанки щеголяли в многослойных стеганых одеждах. Дозорные высматривали, не вспыхнет ли где пожар. Уличные торговцы продавали

с лотков печеный сладкий картофель. Сельские жители латали крыши, плели веревки, ухаживали за зимними посевами зелени и редиса. Закончился сезон сбора урожая, наступала пора расчетов — и японцев беспокоило лишь, смогут ли они заплатить подати. Для этой цели крестьяне складывали в горах древесину, а на побережье заполняли бочки сухими водорослями; в хозяйстве всегда имелись запасы соевых бобов и риса. Некоторые крестьяне, у кого водились монеты, расплачивались ими. Подати взымались с любого, даже самого мелкого, селения в каждой из шестидесяти шести японских провинций — их взыскивали в пользу как местного землевладельца, так и сегуна. Сегун Токугава Иэнари управлял всей страной из своего замка, находившегося в столице Эдо. То был большой густонаселенный город, в котором проживало более миллиона человек⁶.

Зимой, в самую темную ее пору, когда на Западе вовсю праздновали Новый год, в Японии выписывали к оплате десятки тысяч налоговых счетов. На каждый документ ставилась печать, тушью и кисточкой срисовывались с него множество копий, во все концы страны посылались гонцы, вручавшие эти счета людям с натруженными, мозолистыми руками. Один из таких счетов оказался в доме буддийского священнослужителя Эмона⁷, жившего в деревне Исигами, находившейся во многих днях пути от шумного Эдо с его богатыми домами и театрами кабуки. Маленький храм, в котором служил Эмон, стоял у подножия крутых гор в провинции Этиго — в самом сердце японской местности, где за долгие зимние месяцы выпадает больше всего

снега*. Вот и сейчас в этом краю луговых трав, рисовых полей и деревянных домов с соломенными крышами зима вошла в полную силу. Соседи Эмона уже отремонтировали плетеные соломенные сапоги и снегоступы**, укрепили кровельные перекрытия, укутали капризные растения плотными плетеными циновками, а окна завесили тростниковыми ковриками⁸. К одиннадцатому месяцу землю укрывал толстый слой снега, с каждым днем становившийся все выше. Временами поднимался сильный ветер, он еще больше заваливал поля снегом, нагромождал сугробы, заметал пересекавшие деревню извилистые тропинки и узкие каналы⁹, делая их невидимыми для глаз.

Несколько поколений рода Эмона¹⁰ жили среди крестьян деревни Исигами. Дальние предки его были самураями. Если верить семейной легенде, служили они под началом Такэды Сингэна — великого полководца по прозвищу Тигр из Каи, снискавшего славу прозорливого стратега и знаменитого своими диковинными боевыми доспехами, особенно шлемом, который венчали изогнутые золотые рога¹¹. Его армии принимали участие в самых кровопролитных битвах XVI столетия — времени, когда

---

* Для этого района Японии характерны долгие морозные зимы и обильные продолжительные снегопады, недаром одно из его поэтических названий — «Снежная страна» (*Юкигуни*). Провинция, о которой идет речь, — префектура Ниигата, расположенная на острове Хонсю и обращенная к Японскому морю, — относится к самым снежным населенным местам мира. *Прим. науч. ред.*

** *Снегоступы* — самое древнее приспособление для передвижения по снегу; японские снегоступы представляли собой круглую или продолговатую рамку с сеткой, которая с помощью завязок или ремешков прикреплялась к соломенной обуви. *Прим. науч. ред.*

в стремлении захватить власть над всем архипелагом военные вожди собирали под свои знамена десятки, а затем сотни тысяч мужчин, бесчинствовали на землях соседей, вытапывая на своем пути поля, сжигая города и замки. Тот период так и называли эпохой воюющих провинций. Армии то и дело перебрасывались из одного военного лагеря в другой, у крестьян отнимали земли, сгоняли их с родных мест — и получалось, что все население, лишенное опоры, скиталось, не находя в собственной стране места, где можно осесть. В конце концов, когда войска были доведены до полного истощения, наступил пусть вымученный, но столь долгожданный мир, и предки Эмона оказались каким-то образом на юге провинции Этиго.

В последние десятилетия XVI века новый военный правитель Японии — предтеча сегуна — поделил весь народ на воинов и гражданских¹². Глава каждого самурайского рода должен был определить свою судьбу. Избравшим военную службу предстояло оставить землю, хозяйство и переселиться в города-крепости — там им надлежало всегда находиться в полной боевой готовности, чтобы защищать своего повелителя. Пожелавшим остаться в своих деревнях велели отказаться от самурайского звания и сдать оружие. Самураи приобретали привилегию участвовать в государственных делах и получать жалованье от сегуна или другого вельможи. Ставшим гражданскими лицами дали гарантированное обещание, что их больше никогда не заставят идти на войну, — именно такую долю выбрали себе предки Эмона. Они расстались с оружием и с тех пор стали жить в деревне.

На протяжении многих лет мужчины рода Эмона возделывали землю и служили деревенскими старостами. Они разрешали споры, собирали подати и были посредниками между жителями деревни и самураем, который управлял их краем. Но один из предков Эмона избрал иной путь. Отложив в сторону все известные наставления по сельскому хозяйству, он принялся изучать буддийские писания и в итоге стал служителем Истинной Школы Чистой Земли (*Дзёдо-синсю*). Он проводил молитвенные собрания, заупокойные службы, пел гимны и учил земляков главному постулату своей веры: любой, кто верит в благую мощь Будды Амиды, переродится в Чистой Земле, освободившись от вечного кармического цикла страданий. Именно тот предок и основал маленький деревенский храм Ринсендзи, где теперь жил со своей семьей Эмон, опекая паству и ведя в храмовых книгах учет родившимся и умершим.

Решения, некогда принятые каждым из далеких предков, и поныне имели свои последствия, определявшие образ жизни Эмона и проникавшие в любой уголок его повседневного существования¹³. Пожелай в былые дни предки Эмона быть воинами — и он тоже стал бы самураем и носил бы теперь два меча как символ воинского статуса. Он жил бы в городе, а если и приезжал в деревню, то ходил бы в традиционных длинных широких штанах и с волосами, собранными в блестящий узел на затылке, — любая деталь его внешности свидетельствовала бы, какую важную персону он собой представляет. Однако Эмон носил унылые одежды храмового служителя и брил голову.

Но что еще важнее, он платил подати. Родись Эмон самураем, то принадлежал бы к правящему классу и тогда сам выписывал бы налоговые счета, взимал бы платежи, да еще получал бы жалованье за все свои хлопоты. И ему, и всем его потомкам мужского пола был бы обеспечен гарантированный доход — на все времена, пока существовал бы род Эмона.

Хотя он не роптал на выбор предков — даже сейчас, в самый разгар зимы, получив очередной счет от господина. Надо сказать, Эмон считал себя вполне состоятельным человеком. У него в 1800 году родился первенец, наследник храма. Они с женой Харумой не только мечтали иметь много детей, но и надеялись, что им почти наверняка хватит денег, чтобы поставить всех на ноги. По всему можно было судить, что их семья процветает. Он мысленно поблагодарил Будду за дарованные ему, Эмону, милости. Год выдался тяжелым¹⁴, и многим жителям деревни Исигами повезло не так, как ему, служителю храма. Река выше по течению разлилась так, что затопила деревенские пруды и поля, — погиб практически весь урожай. Старосты окрестных деревень взмолились о помощи, рассказывая о голодающих вдовах и сиротах, о несчастных семьях, которые вынуждены сниматься с насиженных мест и бежать куда глаза глядят, так как не в состоянии оплачивать непосильные для них счета. Но Эмону подобные бедствия не грозили. Присланный налоговый счет не стал для него предвестником катастрофы, а был всего лишь документом, с которым надлежало ознакомиться, потом следовало оплатить его и спрятать в семейный архив.

От родителей Эмону достались коробки, набитые старыми бумагами, причем некоторые из них насчитывали более сотни лет¹⁵. Бумаги были либо сложены гармошкой, либо наспех рассованы по конвертам, либо аккуратно собраны в небольшие книжечки. Среди них хранились письма и самые разные документы, собиравшиеся не одно десятилетие: налоговые счета и квитанции; связанные с деревенскими делами прошения и уведомления; закладные на землю и расписки о займе денег; записи о рождении и смерти; перечни посмертных буддийских имен и даже список закупок, сделанных к свадьбе старшей сестры Эмона. В наличии подобного архива не было ничего необычного. Следует заметить, что в те времена многие соотечественники Эмона — причем как мужчины, так и женщины — владели грамотой. Если каждый пятый сельский житель умел писать¹⁶, то что говорить о большинстве горожан. Совместными усилиями граждане Японских островов невольно создали самый, пожалуй, обширный архив документов эпохи XV–XVIII веков. В изысканно обставленных покоях дворца в Эдо, склонившись с кистью в руке над лакированными столиками, женщины сегунов писали письма. Самураи, устанавливавшие законы и судившие преступников, создавали своды правил и отправляли докладные записки. Крестьяне записывали в свои сельскохозяйственные дневники траты на покупку семян и даты их посева. В больших торговых домах и даже маленьких лавках имелись собственные бухгалтерские и конторские книги. Детские уроки, нацарапанные на клочках бумаги. Наброски храмов и гаваней, портреты

легендарных самураев; зарисовки деревьев и демонов; планы домов. Описи имущества. Комментарии к «варварской» западной истории. Реестры книг, имевшихся в передвижных библиотеках. И конечно, стихи — стихи обо всем на свете.

Зимой двенадцатого года эры Кансэй в коллекции Эмона не хранилось ничего примечательного. Содержимое коробок могло лишь поведать историю упорядоченной жизни, которая складывалась вполне предсказуемым образом: каждый год исправно выплачивались подати; женились сыновья; выходили замуж дочери; из поколения в поколение передавалась должность служителя храма Ринсендзи; семья ссужала деньгами других и покупала земли. Может быть, между штрихами писем и таились какие-то секреты, но они ничем себя не выдавали. Мир, вмещавшийся в коробки семейного архива, в целом не простирался за пределы того места провинции Этиго, в котором жил Эмон. В описываемые нами времена дальние города действительно находились очень далеко. Даже сидевший в своем замке в Эдо сегун казался абстрактной фигурой, а его правительство воспринималось как некая безликая сила, собиравшая налоги. И тем более никто в этой стране знать не знал о жившем где-то там, за океаном, президенте Соединенных Штатов Америки, переселившемся в только что отстроенный Белый дом.

Впрочем, по мере того как Эмон расширял свое семейство, а соответственно и свой архив, окружающий мир тоже медленно, почти неуловимо менялся. Вскоре семейная коллекция пополнится новыми именами, свежими

датами и в итоге станет хранилищем свидетельств таких конфликтов, которые Эмон не мог ни представить, ни тем более предотвратить. Через несколько лет после начала нового века появится на свет дочь Эмона Цунено, которая в последующие пять десятилетий одна причинит семье больше неприятностей, чем остальные его дети, вместе взятые. За свою беспокойную жизнь Цунено напишет большое количество писем — все они будут бережно храниться сначала ее отцом, а потом братьями. В письмах она будет жаловаться, ликовать, отчаиваться, негодовать, просить прощения. Будет зачеркивать слова, исправлять их, начинать писать заново. Будет отрекаться от предыдущих посланий и клясться, будто вовсе не имела в виду того, что в них прочитали. То и дело в ее письмах будут возникать новые обратные адреса, мелькать какие-то эксцентричные персонажи, начнет фигурировать непонятная лексика. Она будет писать и писать — и в конце концов письма от Цунено, письма к Цунено и письма о Цунено заполнят собою все коробки семейного архива. Бунт Цунено, облеченный в письменную речь, породит настоящую лавину ответной корреспонденции, вовлекая в переписку других людей: на листочках разных размеров зазвучат всё новые голоса, а родные будут стараться понять ее и пытаться хоть как-то удержать от беспорядочной жизни. Семья словно верила, что бесконечная череда писем сделает из Цунено ту дочь и сестру, какую им всем хотелось в ней видеть. Но действительность распорядится по-своему. Хотя и сильная воля Цунено здесь сыграет не последнюю роль. Фамильный архив приобретет иной

характер и вместо благочинной семейной саги об упорядоченной жизни начнет рассказывать совсем о другом — об истории Цунено.

Знал бы слугитель Эмон, что готовит ему грядущее и какие тайны будет хранить и однажды раскроет его архив! Вероятно, тогда он совсем иначе отнесся бы к своим коробкам со старыми бумагами. Через много лет — уже после того, как исчезнет храм, падет сегун, а деревня Исигами сольется с соседним городом, — эти семейные документы попадут в государственный архив города Ниигата, который находится почти в ста двадцати девяти километрах от родных мест Эмона. Архивисты составят краткое описание жизни Цунено и разместят на сайте префектуры одно из ее писем¹⁷. В это самое время ученый из далекой страны, сидящий у себя в кабинете наедине с компьютером, увидит его на своем мониторе и прочитает такие слова: «Матери от Цунено (лично в руки). Пишу с весенними поздравлениями. Я отправилась в Эдо и оказалась в районе Канды, в Минагава-тё, и — совершенно неожиданно — попала там в такую беду!»

Эмон бережно сложил в коробку очередной счет на подати...

Между ним и мною — когда я, находясь на другом конце света, впервые увидела письмо Цунено — пролегали не только океан, страны и совсем разные цивилизации. Нас разделяло два столетия. Я постоянно возвращалась мыслями к Цунено. В перерывах между лекциями, которые мне пришлось читать той зимой, я шла в свой кабинет и вновь загружала страницу сайта с ее письмом.

За окнами мел снег. Когда закончился учебный год, я полетела в Токио — город, который раньше назывался Эдо. Оттуда я на сверхскоростном поезде помчалась через родные горы Эмона, чтобы посмотреть на оригинал письма Цунено, своими глазами увидеть бегущие снизу вверх по бумаге штрихи, сделанные ее кистью, и все еще четкие линии сгибов. Я сфотографировала это письмо, потом еще одно, после другое, затем их были уже многие десятки. Из-за смены часовых поясов у меня кружилась голова, поэтому, фотографируя, я опиралась свободной рукой о край стола. Кроме того, по утрам меня подташнивало, поскольку я ждала ребенка. В мир придет еще один первенец, будет еще одна семья, еще одна история.

Пока подрастали мои маленькие сыновья, я успела что-то выяснить о детях Эмона и Харумы. Знакомство с ними я начала с самой яркой, самой страстной из детей — это Цунено, так настойчиво желавшая поведать свою историю. Служитель храма не оставил нам родословной, поэтому имена остальных мне пришлось буквально раскапывать, разбирая сотни запутанных старых архивных записей. Так я узнала о Гию, старшем брате Цунено. Всегда чем-то озабоченный, раздираемый сомнениями, он, когда Эмон отошел от дел, стал главой семьи и начал ведать архивом. Выяснила я, кто был самым младшим братом — это Гисэн, оставивший после себя красиво и разборчиво написанные письма, в которых он называл сестру Цунено идиоткой.

На экране моего компьютера иероглифы превращались в миллионы пикселей. Прищурившись, я всматривалась

в картинку, надеясь, что в росчерках старинной каллиграфии проступят более знакомые очертания современных японских слов. Я свободно читаю и говорю на современном японском, могу разобрать печатные документы XIX века, но рукописные тексты доводили меня до отчаяния. Я подолгу изучала послания Цунено и билась над архаической формой фонетического письма*, проговаривая отрывки вслух и пытаюсь правильно, чтобы не исказить смысл, разделить сплошной текст на отдельные слова и словосочетания. Чтобы справиться со скорописью Цунено, с ломаным стилем ее каллиграфических знаков, мне требовалось постоянно прибегать к специальным словарям — в итоге корешки двух из них в процессе работы оказались в таком плачевном состоянии, что из книг стали выпадать страницы. И они были повсюду: на кухне, на полу кабинета и даже в сумке для подгузников. Я писала письма японским коллегам, моля их о помощи. Для расшифровки отдельных мест пришлось нанять научного ассистента. Несколько лет я хранила в памяти телефона всю коллекцию документов на тот случай, если вдруг встречу кого-то, кто поможет разобрать трудное место. Я могла оказаться рядом с таким человеком где угодно: и на банкете после конференции, и на заднем сиденье такси. Однако со временем я все-таки сумела прочесть основную часть текста самостоятельно. Понемногу

---

* Имеется в виду японская слоговая азбука *кана*, которая отображает звуки, в отличие от иероглифического письма, в котором письменные знаки могут обозначать и смысловые единицы, и понятия, и целые слова. *Прим. науч. ред.*

из разрозненных деталей складывалась история о непокорной женщине и погрязших в раздорах ее родных — то были люди, считавшие года по древнему календарю; люди, родившиеся и умершие при власти сегуна. Все они принадлежали к тому последнему поколению, которое знало великий город не как Токио, а как Эдо.

Если Эмон смог бы заглянуть в будущее, наверняка он сто раз подумал бы: стоит ли так заботливо собирать семейный архив и учить старшего сына бережному отношению к нему? Пожалуй, вряд ли ему хотелось, чтобы кто-то из чужих узнал историю его вздорной дочери и тем более поведал ее миру. Совсем не для того он вел семейную хронику, чтобы однажды до нее добрались сотрудники государственного архива и тем более какая-то иностранка, пусть даже вполне ученая дама. Скорее всего, он изумился бы, а может быть, и ужаснулся бы, узнав, что эта женщина, имеющая мужа и детей, неоднократно будет летать через океан, каждый раз оставляя *свою* семью ради *его* семьи, лишь бы порыться в его старых семейных бумагах. Еще больше удивило бы Эмона, что странная женщина сильнее всего привяжется к Цунено — его такой неблагодарной, такой эгоистичной дочери.

И все-таки историю семьи нужно чтить и помнить, а Эмон — равно как его предки и потомки — принадлежал к обществу, которое почти маниакально создавало и сохраняло любые письменные свидетельства. Трудно сказать, мог бы он что-то сделать иначе. Он всего лишь старался удержаться на границе столетий и вступал в эпоху,

которую потом уже его внуки будут называть веком девятнадцатым. В те времена казалось, что выбора нет совсем.

Эмон бережно сложил в коробку очередной счет на подати — последний документ столетия, о конце которого он не знал, или первый документ столетия, о начале которого он даже не догадывался. Так или иначе, сам Эмон жил в середине своей эпохи и находился в центре собственной истории; он продолжал дела своих предков: исправно платил подати, готовился к дням грядущим, собирал семейный архив. И пока еще ничто не угрожало его тихому, занесенному снегом миру.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

